

Рецензенты:
д-р ист. наук З.П. Соколова, д-р филол. наук О.А. Осипова

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук А.К. Байбурин, канд. ист. наук Ю.В. Балакин,
д-р филол. наук О.Н. Бахтина, д-р ист. наук Л.Г. Березова,
канд. ист. наук М.А. Воскресенская (уч. секретарь),
д-р филол. наук А.И. Кузнецова, д-р ист. наук Е.В. Ревуенкова,
д-р ист. наук О.М. Рындина (отв. ред.),
д-р ист. наук Э.И. Черняк, д-р ист. наук Я.А. Шер

Печатается по решению Совета научных кураторов программы
«Межрегиональные исследования в общественных науках»

Т 65 Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Колл. монография /
Отв. ред. О.М. Рындина. – Томск: Изд-во НТЛ, 2004. – 368 с. (Серия «Моно-
графия»; вып. 9)

ISBN 5-89503-239-7

В коллективной монографии на междисциплинарном уровне рассмотрены про-
блемы реконструкции традиционного сознания: статуса реконструкции и ее ме-
тодик, существенных характеристик и функций традиционного сознания, его со-
отношения с историческим сознанием. Исследования авторов выложены на
материалах по культурам народов Евразии, охватывающих временной диапазон
от палеолита до современности.
Монография адресована широкому кругу читателей: этнологам, филологам, ис-
торикам, археологам, философам, культурологам, искусствоведам, музееведкам.

УДК 008.39
ББК 71

Книга распространяется Бесплатно

Издание осуществлено при финансовой поддержке
МИОН, грант К017-2-01/2003

ISBN 5-89503-239-7

© АНО «ИНОЦентр (Информация,
Наука, Образование)», 2004
© Томский государственный
университет, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	8
Глава 1. Методология научной реконструкции	11
1.1. Статус реконструкции в фольклорно- этнографических исследованиях (А.К. Байбурин)	11
1.2. Культурная история: проблема научной интерпретации (Л.Г. Березова)	20
1.3. О методах реконструкции традиционного мировоззрения по археологическим материалам (Ю.В. Балакин).....	35
1.4. Взгляд лингвиста на проблему реконструкции традиционного мировоззрения (А.И. Кузнецова).....	47
1.5. Лексическая интерференция между русскими и аборигенными языками Сибири: методика и особенности исследования (А.Е. Аникин).....	59
Глава 2. Традиционное мировоззрение и творчество	69
2.1. О времени появления одной из древнейших мифологических универсалий (Я.А. Шер)	69
2.2. Искусство пластики лесных племен Приобья в первобытности (Л.А. Чиндина)	80
2.3. Трансформация шаманизма и его творческая природа (Е.В. Ревуенкова)	93
2.4. Традиционное мировоззрение и образная стилистика (Н.Н. Федорова)	103

в христианской идее терпения как пути к достижению Царства Небесного: «Бог смиренным даст благодать» (Буйда, 1997, с. 135), смирение выявляет дьявольскую сущность зла, смирение свидетельствует об отказе «играть по правилам сатаны, встав выше плотского деяния в плотском мире, захваченном дьяволом» (Буйда, 1997, с. 136). Тогда возникает, по определению Чадаева, на которого ссылается Буйда, «особый мир, покорный воле, произволеню, фантазии одного человека» (Буйда, 2000, с. 18), а «этими одним человеком в такой стране мог быть любой король, сумасшедший или «подпольный» человек, рвущаяся на волю из тени — тень», то есть самозванец. «Борисоглебство» привело к отказу от личной ответственности за мир реальный, закрепило мифологическую потруженность в ирреальном мире сознания, в «снх». Здесь и сходится «борисоглебство» с самозванством: личная воля переносится в метафизическую сферу, человек становится проявлением божественного или дьявольского, духовного или плотского, полагается на надличностные силы или испытывает их, сам погружаясь в порок или исполняя волю властителя-самозванца.

Версия русской истории, представленная в романе Ю. Буйды, отрицает моноцентрическую реконструкцию национального сознания: растворение всех исторических моделей сознания в мифологическом сознании, признание виртуальной реальности (реальности инореальной) как более ценностной, чем явленная материальность мира, отказ от совершенствования реальности и готовность к ее разрушению, онтологизация человеческого сознания (представление о нем как о проводнике высшей реальности) — вот главные черты национальной ментальности, делающие, по версии писателя, русскую историю дурной повторяемостью.

4.7. Мифологический архетип

как основа верификации этимологической реконструкции

Исследование художественного текста — предмет литературоведения. Этимологический анализ имен может играть роль лишь вспомогательного средства для раскрытия содержания произведений, в частности, пролить свет на художественно-историческую основу текста, как трактует ее автор (независимый от анализа

субъект) или как раскрывает сам автор этимологию через художественную интерпретацию, пытаясь выдвинуть свое понимание внутренней формы слова, с определенной произвольностью в выборе средств. Таким образом, существует некоторая слоная структура, называемая нами художественное имя, которая, с позиций этимологии, позволяет читателю расширить точки доступа к произведению, одновременно раскрыв несколько аспектов избранной темы. Это лингвистический (этимологический) анализ исследователя, версия автора художественного произведения о происхождении слова.

Согласно Ф. де Соссюру, этимология — это, в первую очередь, объяснение того или другого слова при помощи установления его отношения к другим словам. Объяснить — значит свести к элементарам уже известным, а в лингвистике объяснить слово — значит свести его к другим словам, ибо необходимого отношения между звучанием и смыслом не существует (принцип произвольности языкового знака) (Соссюр, 1977, с. 24). Положение автора цитаты не угадывается в ткань интерпретации художественного имени в литературе, прежде всего, из-за своеобразной лингвохудожественной детерминированности текста и имени. Приведем разрывной пример из англосаксонской лингвокультурной традиции, используя в качестве доказательства наименование основного англосаксонского эпоса — Беовульф.

В англосаксонистике имеется имя, чья интерпретация является предметом контраверз многих поколений этимологов.

Это имя неохена wong, встречающееся в версии Бытия (Genesis), а также в некоторых других произведениях в значении «рай». Отсутствие этимона концепта «загробный мир» (рай, обшего для индоевропейской культуры, закономерно ориентирует реконструкцию на поиск концептуализированных областей, каждая из которых может обладать уникальными для данного языкового культурного ареала или этапа одной традиции связями языковых и культурных тем. Таким образом, предполагается возможность множественности концептуальных решений. Так, словосочетание неохена wong «рай», не обнаруживающее соответствий в других древнегерманских языках, а также индоевропейских диалектах (встречается только в древнеанглийском), и по сей день не содержится в этимологической интерпретации ни в одном из этимоло-

гических словарей. Как правило, этимологи исходят из презумпции единственности индоевропейского архетипа и не допускают мысли об уникальности некоторых концептуализированных образцов в отдельных ареалах индоевропейского мира, ср., например, этимологию К. Шнайдера др.-англ. *neorhena* **n-erh(a)na* 'блестеть', а также другие, базирующиеся на перестройке спорного элемента *neorhena* (Vening, 1961). Заметим, впрочем, что У. Леманн в новом словаре не принимает возможности такой этимологии (Lemann, 1986, p. 84). Этимологическое решение словосочетания *neorhena wong*, предложенное нами в монографии (см.: Степанов, Проскурин, 1993), исходит как раз из учета жанрового своеобразия художественного текста, содержащего этимологизируемое слово, а также из бытования текста в традиции в целом. Основопологающим принципом является принцип множественности концептуальных решений, т.е. возможности уникального построения.

Представления о рае в англосаксонской христианской литературе связываются с природным образом: «*seca wode* *scurende ure, his weorca wite and his weasta blaed, niwta geseafa*. *Neorhena wong stod god and gastlic, gifea gebylled*» (Witket, 1883, S. 206). Тогда увидел творец наш внешность его трудов и плоды растительные, новые творения. Рай стоял, хорош собой и духовен, дарами наполнен.

Приводя этот контекст, мы предлагаем изменить взгляд на проблему этимологизации. В исследование этимологии будут последовательно подключены контекст — текст — культурная среда, причем роль художественного текста окажется решающей на стадии верификации этимологии.

Культурным символом природного начала в древнегерманском языке выступает медведь. В англосаксонской традиции медведь относится к числу священных животных и, по всей видимости, является тотемом англосаксов, отчего его имя часто табуируется: др.-англ. бета 'коричневый', 'бурый' или заменяется описательным: *Beo-wulf* 'пчелиный волк'. По данным англосаксонского эпоса это имя присваивается воину-герою, повергшему чудовище и совершившему ряд других подвигов.

Возникает вопрос: какова же связь символа природного начала медведя с предлагаемой ниже нашей этимологией? На первый план выступает художественное имя, и в этом современный разворот проблемы. Искомое имя — уникальный концепт, который не может быть проинтерпретирован вне ткани эпоса.

С учетом вышесказанного рассматриваемая этимология *neorhena wong* гармонично вписывается в широкий лингвокультурный контекст. Мы членим первый компонент так: *neo-rh(e)-{na}* — и видим во втором корне отражение одного из древнейших имен медведя, сохраненное, в частности, в др.-инд. *rkṣaḥ*, лат. *ursus* (**ursos*) (Иамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 149).

Аргументом в пользу такого членения служит название противоположенной зоны «загробного мира» — ада, в общепринятой этимологической трактовке содержащее элемент *neo*: *neo-w(o)lfe genipu bukw* 'мертвое поле', ср. др.-англ. *waef* 'поле мертвых (последних битв)'. В словосочетании *neorhena wong* первый компонент, *neo*, в свою очередь, соотносится с англосаксонским *neo* 'трун', 'мертвое тело', ср. др.-англ. *neofugol*, букв. 'мертвая птица' — «ястреб». Таким образом, мы предлагаем следующую этимологизацию: *neorhena wong* «поле (земли) мертвых медведей (героев)». Символизация загробного мира в виде «земли мертвых медведей» относится к эзотерической сфере — глубинному пласту верований охотничьих культур, предполагающей особую мистическую связь тотема и племени (ср. неолитический образ медведя — царя диких животных) (Eliade, 1978, p. 7). Ассоциация войны с хищным животным отражала противопоставление члена мужского союза обществу в целом, что, в частности, находило, по-видимому, отражение в древнегерманских представлениях о связи загробного мира с культом героев, ср. др.-исл. *Valholl* 'дом мертвых героев'.

Ассоциации загробного мира с местом будущей жизни героев представляются естественными, поскольку основываются на культурном представлении о герое-медведе в эпосе, ср. в лексике (выше) *Beowulf*, а также др.-англ. *beoht* > *bet*, *bit* 'человек, воин', 'герой' и др.-исл. *bjotr* 'медведь'.

Эпос «Беовульф» создает определенное предположение выбранной нами этимологии, поскольку в самой ткани произведения представления о загробном мире основано, как и в самой древне-

германской традиции, на культе воина-героя, отдающего свою жизнь за благородные цели.

Необходимо отметить социальные и лингвистические основания верификации приведенной реконструкции. Такие основания, как это очевидно, не могут быть даны в тексте эксплицитно, так как языковое табу предполагает именно запрет на эксплицитное упоминание и именование (ср. рус. медведь, буквально «меду-ед», «едящий мед» — подставное имя, возникшее вследствие табу, вместо какого-то иного имени, родственного др.-инд. *tksaḥ*, лат. *ursus* и др., которые восходят к одному и тому же индоевропейскому корню и обозначают одно и то же животное) (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 497).

Из приведенного анализа следует важное методологическое заключение. Хотя, как мы видели, отдельные лексемы в некоторых культурных ареалах могут не восходить к одному лексическому архетипу, они, тем не менее, восходят к некоторому единственному архетипу, который является мифологическим, или культурным (удачный термин еще предстоит подобрать). Таким образом, наиболее общий архетип, значимый в семантической реконструкции, является «двухслойным» или двухсоставным: в нем доминирует некоторое общее концептуальное содержание (мифологическое, культурное и т.п.), которое на более низком, или более конкретном, уровне воплощается в двух видах: с одной стороны, в лексическом архетипе (к которому, в свою очередь, на еще более конкретном уровне отдельных языков могут восходить разные слова, связанные единым корнем), а с другой стороны, в уникальных концептах в некоторых ареалах или даже в каком-либо одном из них; эти уникальные концепты не имеют ничего общего с лексическим архетипом первого вида, но имеют с ним общее в том, что все восходят к одному и тому же концептуальному (мифологическому, культурному и т.п.) архетипу.

Иными словами, нам удалось проявить индоевропейский архетип в имени неогрехеа вонг, хотя сам индоевропейский корень представлен частично в обозначении рай. Художественный текст поэмы «Беовульф», а также сама англосаксонская культура явились средством верификации правильности принятого этимологического решения в художественном тексте.

Перейдем к современным произведениям Дж. Р. Р. Толкина, а именно, к собственно художественному произведению «*Lost road and other writings The History of Middle-earth*». Выдающийся британский писатель и филолог снабжает свои труды по истории Британии своими вымышленными этимологиями, которые в некоторых случаях прямо соответствуют этимологическим интерпретациям, предложенным учеными-исследователями. Здесь мы не можем пройти мимо центральной этимологии Дж. Р. Р. Толкина — термина «*Middle-earth*». Согласно нашей интерпретации, лексема *middle-earth* восходит к др.-герм. *miðja-gaḥdaz* и обозначается как паритивный оборот — центр мира, а не как только «срединное оторуженное пространство» или «срединный мир». Интуитивно английский филолог интерпретирует указанное имя на эльфийском вымышленном языке как *ambat-enda*, что означает центр мира. Гениальность прозрения ученого заключается в том, что он опираясь исключительно на художественный образ текста. With the first Moonrise they set foot upon Middle-earth, and the first shone upon their march (Tolkien, 1995, vol. 5, p. 139).

Рассматривая именное сложение как явление микросинтаксиса («сетояния морфологии — вчерашний синтаксис»), мы приходим к заключению о паритивной природе центрального понятия древнегерманского мира — мифологема **miðja-gaḥdaz*, ср. подобранные обороты в исторических языках: др.-исл. *miðna gaḥða* букв. 'средний двор', но «середица (центр) двора», лат. *medius collis* букв. 'средний холм', но «середица холма» и др.

Обнаруживается, что в основе принципа номинации древнегерманского мира лежала идея сакральной значимости центра поселений, обычно получавшего архетектонический символ в виде «мирового дерева» (др.-исл. *Yggdrasill*), «столпа» («жертвенного столба» — др.-сакс. *Itminsu*) или «горы» (др.-исл. *Asgartr*) и более детально в текстах др.-англ. «Даниил А», «Старшая и Младшая Эдды». Ср. также особенность мифопоэтического эпоса «Беовульф» (Мельникова, 1987). Любопытно, что символическое воплощение мира в германской культуре — «дерево, гора» — эксплицируется в этимологических связях восточногерманского имени got. *faithwus* 'мир', которое можно сопоставить в контексте

нашей реконструкции с гот. *faingūni* 'гора' и и.-е. **reikwus* 'дуб' (Lemann, 1986).

Другой этимологический феномен интерпретаций художественного имени – подстановка – также встречается в труде Дж. Р. Р. Толкина. Автор вымышляет имя *NGOLODO*, которое в его переводе означает «гноми». Вся Британия, по его мысли, произошла от эльфийского народа, гномов, и может быть поименована *Ingolonde* (букв. «Страна гномов»). Разумеется, такая подстановка, акронимическая по созвучию, не смешивается с реальным по происхождению *England*. Толкин пишет: «How significant is the likeness of *Ingolonde* to *England*. I can not certainly assume. But it seems plain from the conception of *Quenta* that *England* was one that remained after the destruction of *Beleriand*» (Tolkien, 1995, vol. 4, p. 209).

Итак, этимологизация, а также поиск этимологии в художественном тексте имеет все основания претендовать на отдельную независимую отрасль этимологии со своей спецификой и правилами интерпретаций. В определенной степени ткань художественного произведения может дать ученому достаточно оснований для поиска и верификации соответствий, а также выдвигения неожиданных концепций.

4.8. Традиционные смыслы и новые значения в языке и культуре: языковая картина мира в условиях социокультурной модернизации общества

Через анализ речевых высказываний и речевого поведения можно исследовать ментальную форму культуры (как на индивидуальном, так и на коллективном уровне), а также определить связь между типом речевой культуры определенной социальной общности и системой ценностных координат, существующей в ее коллективном сознании. Язык любого этноса отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира.

Одной из глубинных человеческих потребностей, по мнению американского философа Э. Фромма, является стремление к утопленнию, поиск такой системы ценностной ориентации, которая дала бы личности возможность соотнести и отождествить себя с признанным образом, с группой, с обществом. За этим стремле-

[240]

нием стоит исторический опыт человеческой солидарности, который давал чувство защищенности и выступал залогом коллективного выживания. Именно поэтому идеи принадлежности к определенной группе, общности с нею и, как следствие, акт идентификации с другими выступают в качестве цементирующего начала всех человеческих сообществ.

Важными составляющими культурной компетентности личности являются чувство общности со своим народом, любовь и интерес к национальной истории и культуре, свободное владение родным языком, органичное принятие мировоззренческих и поведенческих стереотипов, эмоциональное тяготение к своей этнокультурной, социальной и религиозной среде.

Применительно к России эта задача осложняется неопределенностью формулировок о смысле экономической, политической и культурной модернизации страны. Система ценностных координат, устойчивость которой обеспечивает социальную солидарность человеческого сообщества и личную идентичность его членов, находится на стадии решительного переосмысления и радикальной перестройки. Средства массовой информации, литературная публицистика, выступления политических лидеров, реклама во всех ее видах являются сегодня мощным инструментом влияния на сознание общества наряду с традиционными формами образования.

В качестве примера, иллюстрирующего данный вывод, обратимся к функционированию этнонимов *русский/российский* в современных СМИ. Этнонимы – названия видов этнических общностей: наций, народов, народностей, племен и т.п. Их функционирование в речи становится актуальной проблемой в эпоху социально-политических перемен, поскольку на их фоне с особой силой проявляется влияние языка на сознание общества, на характер его культурных предпочтений и, в конечном счете, на его историю и судьбу. Закономерны в этой связи как появление сразу нескольких публикаций, посвященных этнонимам русский – российский, так и полемичность содержащихся в них положений. По мнению академика О.Н. Трубачева, между словами «русский и русский» отсутствует отношение взаимозаменимости: русский этнично, а российский благодаря своей прямой зависимости от России имеет сейчас свой, только ему присущий, административ-

[241]